

© 1992 г., ЭО, № 5

Ю. И. Семенов

О «СОЦИОЛОГИИ ПЛЕМЕНИ», ТЕОРЕТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ И МНОГОМ ДРУГОМ

Н. М. Гиренко. СОЦИОЛОГИЯ ПЛЕМЕНИ.
Л., 1991. 300 с.

Книга сразу же привлекает внимание необычным названием. Термин «социология» редко применяется по отношению к доклассовому обществу. Здесь в ходу другие: этнография, этнология, культурная и социальная антропология. Но если слово «социология» использовано в названии рассматриваемой книги как ключевое, то прежде всего необходимо выяснить, какой именно смысл автор вкладывает в него.

«Под социологией,— пишет он,— в данном случае подразумевается область исследования, предметом которой и являются процессы в сфере действия таких систем отношений, объединяющих людей в коллективы, составляющих социальную сферу в отличие от других основных сфер в жизни общества (социального организма), т. е. в отличие от сферы экономики и мировоззрения» (с. 3). Как можно понять из этого высказывания, социология, по мнению автора, исследует не все общественные явления, процессы и отношения, а только те, что относятся к «социальной сфере» общества. В некоторых местах работы в том же смысле, что и термин «социальная сфера», употребляется словосочетание «общественная система» (с. 17), что явно неудачно, ибо под общественной системой обычно понимают систему всех существующих в обществе отношений. Позитивного определения словосочетания «социальная сфера» автор нигде не дает. Он лишь ставит нас в известность, что, кроме этой сферы, в обществе существует по крайней мере еще две: сфера экономики и сфера мировоззрения.

Нельзя не заметить, что такое понимание социологии несколько расходится с общепринятым. Социология (буквально: наука об обществе), идет ли речь об общей теории или об исследованиях, базирующихся на эмпирическом материале, все же всегда претендовала на познание всего общества. Если обратиться к одной лишь «эмпирической» социологии, то в ее составе существуют такие отрасли, как социология экономической жизни, социология религии и т. п.¹ Таким образом, ни сфера экономики, ни сфера мировоззрения не исключены из предметной области социологии в общепринятом понимании этого слова.

Наряду с пониманием социологии как области знания, исследующей лишь одну определенную сферу общества, а не все общество, в книге присутствует и другое. В ряде мест под социологией понимается не научная дисциплина, исследующая одну из сфер общества, а сама эта изучаемая сфера (с. 4, 18), что совершенно расходится с общепринятым значением этого слова.

Ненамного лучше обстоит дело и с другим элементом названия книги — словом «племя». К рассмотрению этого понятия автор обращается, лишь начиная со стр. 71 первой главы, носящей название «Эволюция социологии племени». Он начинает с того, что ставит знак равенства между изучением племени и изучением «племенного общества, первобытного общества, первобытнообщинного строя, родоплеменного строя» (с. 71). Однако через 12 страниц утверждается, что в советских исследованиях, с которыми, как можно понять, автор в этом отношении полностью солидаризируется, «племя в любом своем качестве рассматривается как стадийно обусловленное явление, закономерный результат предшествующего этапа социально-экономического и культурного развития и последняя фаза эволюции в рамках первичной формации, предтеча возникновения классово-антагонистической формы производства общественной жизни в ее целостности и возникновения государства» (с. 83). Но если племя возникает только на последнем этапе эволюции первобытнообщинного строя, то отсюда следует, что понятия племенного и первобытного общества никак не могут совпадать. Одно высказывание, таким образом, полностью противоречит другому.

Пытаясь раскрыть содержание термина «племя», автор характеризует племена как «относительно самостоятельные социальные организмы первобытности» (с. 81). Как явствует из предшествующего изложения, понятие «социальный организм» для автора тождественно понятию «отдельное общество» (с. 77). С этим положением вполне гармонирует утверждение, что племя «является основным субъектом исторического процесса на этой (догосударственной.— Ю. С.) фазе эволюции» (с. 83).

Несомненно, что на всех известных нам стадиях общественного развития человеческого общества в целом всегда существовало как совокупность значительного числа конкретных отдельных обществ, каждое из которых было относительно самостоятельной единицей исторического развития. Эти отдельные конкретные общества, являющиеся субъектами исторического процесса, я в одной из работ предложил именовать социальными организмами². С тех пор прошло много времени. Термин «социальный организм» получил широкое распространение в нашей исторической и особенно этнологической литературе, но в него нередко стали вкладывать самое различное содержание. Говоря о социальном организме, исследователи далеко не всегда имеют в виду отдельное конкретное общество, являющееся самостоятельной единицей исторического развития. А это образование, несомненно, нуждается в особом обозначении. В дальнейшем изложении в качестве термина, имеющего такое и только такое значение, я буду употреблять словосочетание «социально-исторический организм». Как видно из сказанного выше, Н. М. Гиренко в данной главе употребляет термин «социальный организм» для обозначения отдельного общества — субъекта исторического процесса.

Как множество социально-исторических организмов существовало и первобытное общество. И Н. М. Гиренко склонен поставить знак равенства между понятиями «социальный организм доклассовой эпохи» и «племя». Но если исходить из того, что племена возникают лишь на последней фазе эволюции доклассового общества (одна из точек зрения автора), то отсюда следует, что социально-исторические организмы на предшествующей фазе (или фазах) заведомо не могли быть племенами. Немного лучше будет обстоять дело и в том случае, если примем другую (явно преобладающую в книге) точку зрения автора: племена существовали на всех стадиях эволюции доклассового общества.

Ведь автор не отрицает того, что наряду с племенами в доклассовом обществе всегда существовали социальные образования и другого рода, например общины. Сам же он отмечает, что в работах некоторых исследователей первобытности категория племен полностью игнорируется, а в качестве основной единицы выступают либо община, либо род, либо их сочетание (с. 7). Добавим к этому, что немалое число этнографов категорически утверждают, что в исследованных ими доклассовых обществах вообще не существовало ничего похожего на племена. Точка зрения, согласно которой именно община, а не какое-либо иное социальное образование являлась, по крайней мере на ранних ступенях развития первобытного общества, отдельным конкретным обществом, единицей исторической эволюции, имеет достаточно широкое распространение.

Поэтому автору следовало бы, во первых, показать, в чем заключается специфика племени как особой формы объединения людей в эпоху первобытности, отличной от других форм, во-вторых, доказать, что именно эта форма, а не какая-либо другая всегда являлась в эту эпоху социально-историческим организмом. Но ничего даже отдаленно похожего мы в данном разделе работы не находим.

Начав обсуждение вопроса о племени на с. 73, автор его обрывает на с. 85. И далее на протяжении следующих 139 страниц (86—224) речь идет о чем угодно, но только не о племени. Провозгласив в начале второй главы, носящей название «Основные динамические структуры социального процесса в рамках племени», что племя есть «социальный организм (общество) догосударственного уровня социальной эволюции» (с. 94), автор в дальнейшем изложении о нем совершенно забывает. На первый план выходят иные социальные образования.

Прежде всего автор заводит речь о поселении. Для его обозначения вводится особый термин — «первичный социум» (с. 94—95, 97 и др.). Именуется поселение и просто социумом (с. 100). Поселение характеризуется автором как основная общественно-экономическая ячейка (с. 98). Далее выясняется, что понятие «поселение» для автора равнозначно понятию «община». Он много раз подчеркивает, что община и поселение — это одно и то же (с. 99, 101 и др.). В соответствии с этим община, как и поселение, именуется первичным социумом (с. 101) или просто социумом (с. 234).

Община, конечно, могла обитать и нередко обитала в одном поселении. Но тем не менее даже в таком случае ставить знак равенства между поселением и совокупностью людей, обитающих в нем, нельзя. Это не вполне одно и то же, что в какой-то степени осознает и автор, отличающий «социум» от «населения социума» (с. 142). Различие между понятием «община» и понятием «поселение» резко бросается в глаза, когда члены одной общины живут не в одном, а в нескольких поселениях. А такое нередко встречается. Спрашивается, что же в такой ситуации является первичным социумом: община или каждое из поселений?

Поселение, община, первичный социум характеризуются автором как «одионый социальный организм», «единичный субъект общественно-исторического процесса» (с. 99). Учитывая, что автор

в этой же главе снова подчеркивает, что «максимальная целостность — социальный организм, общество — является организмом высшего уровня» (с. 121), приходится делать вывод, что для него понятия «поселение», «община», «первичный социум» равнозначны понятию отдельного конкретного общества, являющегося относительно самостоятельной единицей исторического развития, т. е. социально-исторического организма.

Но это находится в резком противоречии с тем, что было сказано раньше. Ведь на с. 81 и 83 в качестве социально-исторического организма доклассовой эпохи выступает не община, а племя. Впрочем автора вообще грех упрекнуть в последовательности. С утверждением, что община (поселение) есть «единичный субъект общественно-исторического процесса» (с. 99), мирно соседствует характеристика ее «как части более широкого целого — общественной системы/субъекта исторического процесса» (с. 103). Наряду с пониманием социального организма как общества, как социально-исторического организма в работе присутствует и другое. «Под целостным социальным организмом, — пишет Н. М. Гиренко, — можно подразумевать и отдельную общину, и общество, общественную систему как конкретно-историческую целостность» (с. 102). Здесь, как мы видим, автор, называя и общину, и общество социальным организмом, в то же время различает общину и общество. Выходит, что хотя община и не является обществом, но тем не менее представляет собой социальный организм. Возникает вопрос, какой же смысл вкладывает автор в данном случае в словосочетание «социальный организм». Этот вопрос тем более уместен, что в дальнейшем изложении автор нередко называет систему семейно-родственных отношений «социальным организмом родства» (с. 143—144, 191, 224 и др.).

Не менее многозначен и введенный автором термин «первичный социум». Только что мы усвоили, что под первичным социумом понимается община, поселение, социально-исторический организм, как вдруг узнаем, что этим термином можно обозначать также и домохозяйство, и объединение, которое британские этнологи именуют *domestic group*. Последнее словосочетание автор передает как «хозяйственная группа», хотя буквально оно переводится как «домашняя» или «семейная группа». «Община», «домохозяйство», «хозяйственная группа» «могут образовывать иерархию однотипных образований» (с. 107). Иначе говоря, по мысли автора, первичный социум может состоять из нескольких первичных социумов, а те в свою очередь могут подразделяться на первичные социумы. Но в таком случае термин «первичный социум» теряет всякий смысл. И жалеть об этом не приходится. Это был термин, вводить который не было никакой нужды, типичный термин-пустышка.

На протяжении всей второй главы в качестве основной социальной единицы первобытности, социально-исторического организма, выступает не племя, а община. К племени автор возвращается лишь в третьей и (последней) главе «Система племени» (с. 225—286), в которой, кстати, тоже имеется раздел, где племя полностью отсутствует (с. 234—252). Таким образом, в работе, носящей название «Социология племени», общим объемом в 292 страницы, племени посвящено самое большее 64 страницы (73—85, 225—234, 252—292).

И в третьей главе автор продолжает утверждать, что именно общины, а не племена представляют собой «основные социумы» (с. 234). Но общины всегда взаимодействовали, всегда образовывали «некоторое поле их взаимодействия» (с. 226). А раз так, заключает он, неизбежно существовали и племена.

«По всей вероятности, — пишет Н. М. Гиренко, — ранние общественные коллективы, как и историко-типологические аналоги их в этнографически зафиксированных примерах, не имели однозначно определенных индивидов — членов общественного коллектива, состояли из множества общин и выражали собой повышенную плотность межобщинного взаимодействия. Именно эту минимально необходимую характеристику сохраняет та стадийно обусловленная форма общественного устройства, которая именуется племенем. На низшем уровне это всегда как минимум система межобщинного взаимодействия» (с. 226).

Общины действительно всегда взаимодействовали, но племена образовывали далеко не всегда. Например, у папуасов гор Новой Гвинеи каждая община была тесно связана с многими другими. Но у большинства их не обнаруживается ничего похожего на племена. Взаимодействия между общинами само по себе недостаточно; необходимо, чтобы взаимодействующие общины образовывали более или менее четко определенное межобщинное объединение. Это в какой-то степени понимает автор. Именно поэтому он и называет племя коллективом. Правда, выявить, какой именно смысл вкладывает автор в слово «коллектив», трудно. Коллективом он называет не только племя, но и общину (с. 230). В одном месте он определяет коллектив как социальный институт (с. 3), что не прибавляет ясности. На с. 230 мы узнаем, что «любой человеческий коллектив (общественная система) обладает органами власти и управления, которые регулируют его взаимоотношения с внешним миром и частично отношения хозяйственно самостоятельных коллективов в своей среде». Утверждение, что любой коллектив состоит из коллективов, таит в себе внутреннее противоречие. Ведь спускаясь по этой лестнице, мы рано или поздно неизбежно столкнемся с объединением, которое уже не состоит из объединений. Но если коллектив не состоит из коллективов, то, согласно

данному определению, он не является коллективом. Но тем самым не является коллективом и вышестоящее объединение, и так до конца. Иначе говоря, коллективов, отвечающих этому определению, вообще существовать не может.

Но, пожалуй, главное не это, а утверждение, что любой коллектив обладает органами власти и управления. Ведь на ранних стадиях развития в общинах никаких органов власти и управления не существовало. А на более поздних стадиях во многих случаях не существовало никаких надобщинных органов власти. Это можно видеть на примере банту, на материалах о которых автор, как он сам считает, строит свою работу (с. 3). Он же сам признает, что сонджо, сафва, нгендо «не обладали централизованной властью, объединявшей посредством единого института ряд общин в целостность» (с. 254).

Но если так обстоит дело даже у народов, уже достигших сравнительно высоких ступеней развития, то тем более это характерно для низших охотников и собирателей Африки. Автор ищет выход из создавшегося положения и, как ему кажется, находит. Бесспорным фактом является, что время от времени несколько общин охотников и собирателей на короткий срок могли собираться вместе. Поводы для этого были самые разные: сбор орехов, инициации, ритуалы и т. п. И автор утверждает, что на этот срок все собравшиеся общины, вместе взятые, становились племенем. На вопрос о том, возникало ли во время очередного сборища новое племя или происходило возрождение ранее существовавшего племени, автор четкого ответа не дает. С одной стороны, он утверждает, что после окончания сборища племя рассыпалось, т. е. исчезало, а с другой — называет эту форму «мерцающим племенем», что предполагает повторение (с. 258). Но о повторении можно говорить лишь в том случае, если каждый раз общины собирались в том же составе. Но это нужно доказать, чего автор не делает.

Несколько ранее, обосновывая взгляд, согласно которому племя существовало на всех стадиях развития, автор ссылался на данные А. Р. Рэдклиффа-Брауна о племенах у аборигенов Австралии (с. 232—233). У тех же австралийцев имели место и различного рода сборища, в которых участвовали члены разных общин, т. е., выражаясь словами Н. М. Гиренко, существовали «мерцающие племена». Но вопроса о том, каково же соотношение между «мерцающим племенем» у австралийцев и племенем у них же в традиционном смысле, которое, кстати сказать, автор характеризовал как «общество, общественный организм» (с. 233), Н. М. Гиренко не ставит. Во всяком случае, несомненно то, что в австралийских сборищах могли участвовать общины, относящиеся к разным племенам в традиционном смысле, а в том или ином сборище совершенно необязательно должны были участвовать все общины одного и того же племени.

Выдвигая концепцию «мерцающего племени», автор вступает в противоречие с самим собой. Ведь племя, по его утверждению, есть отдельное общество, социальный организм, основной субъект исторического процесса. Специфическая его особенность состоит в том, что оно «крайне устойчиво» (с. 287). Ясно, что такая характеристика никак не может быть отнесена к объединениям, существующим в течение всего лишь нескольких дней или даже повторно возникающим на такой же короткий срок.

О «мерцающем племени» автор повествует в разделе «Сегментарное племя» третьей главы. Но это не значит, что понятие «мерцающее племя» тождественно понятию «сегментарное племя». Как это ни странно, но рассматривая «сегментарное племя», автор опирается не столько на собственный африканский материал, сколько на цитаты из статьи Р. Линдер «Что такое кочевое племя?», в которой идет речь о племенах гуннов, средневековых монголов и тюрок. Впрочем, понять, что такое «сегментарное племя», из текста работы трудно. Автор не дает ему никакого определения. В «Заключении» книги автор говорит еще об одном типе племени — «эгалитарном иерархизированном» (с. 289). В основном тексте работы это понятие отсутствует.

Большое внимание автор уделяет социальному образованию, которое он именует «племенем-вождеством». Когда-то все этнографы именовали эти образования племенами. Но во второй половине XX в. в работах прежде всего Э. Сервиса³, а затем и других исследователей было вскрыто коренное отличие этих объединений от племен в традиционном смысле слова. Это социальное образование было достаточно четко отграничено от племени и получило особое название. Им стало слово «чифдом» (chiefdom), русским эквивалентом которого является слово «вождество». Кстати, автор неправ, утверждая, что наименование «вождество» было введено в советскую литературу Л. Е. Куббелем. Последний со всей присущей ему добросовестностью в работе «Очерки потестарно-политической этнографии» (1988) ссылается на опубликованную в 1979 г. статью А. М. Хазанова⁴.

Но и последнее нельзя считать создателем термина «вождество». Еще в начале 70-х годов к решению пользоваться словом «вождество» для обозначения данного социального образования единодушно пришли все члены возглавляемого А. И. Першицем сектора истории первобытного общества Института этнографии АН СССР, в состав которого тогда входили и А. М. Хазанов, и Л. Е. Куббель. И делом случая было то, что первым его употребил.

Н. М. Гиренко исключил из сферы своего исследования экономику. Именно поэтому он оказался не в состоянии понять качественное отличие вождества от племени, понять сущность этого образования.

Он не заметил, что вождество есть формирующийся классовый социальный организм⁵. С этим связано его утверждение, что «невозможно все вождества рассматривать принадлежащими к одной фазе в рамках первичной формации...» (с. 289). В действительности же все они относятся к одной фазе, правда, уже не в рамках собственно первобытного общества.

В результате, рассматривая вождества, Н. М. Гиренко сконцентрировал свое внимание на второстепенных моментах, не замечая главного, основного (с. 265—286). И даже когда он сталкивается с действительно важными явлениями, он совершенно не понимает их сущности. Описывая формирующиеся классы и формирующееся государство, он даже не подозревает, что имеет дело с процессами классогенеза и политогенеза. Он убежден, что перед ним общество «...в период до классовообразования...» (с. 292).

Если принять во внимание, что вождество является не одной из форм племени, а особым социальным образованием, качественно отличным от последнего, то число страниц, посвященных в книге Н. М. Гиренко собственно племени, сократится с 64 до 42.

На остальных страницах автор поднимает самые различные проблемы, часть которых была уже названа. Однако существует такая, которую автор, несмотря на всю ее важность, даже и не пытается решить. Автор неоднократно говорит о необходимости рассматривать общество в его движении и развитии. В своем преклонении перед развитием он доходит до того, что объявляет социум, социальный организм процессом (с. 94, 133), с чем вряд ли можно согласиться. Социально-исторический организм действительно находится в движении, но сам движением не является. Нужно всегда отличать развитие от того, что развивается. И тем не менее автор даже и не пытается выделить в развитии доклассового общества какие-либо этапы, предложить какую-либо периодизацию истории этого общества.

Не делает он этого, несмотря на то что, по его мнению, в этой области все обстоит крайне плохо. «К сожалению, однако,— пишет он,— вопрос об эволюции форм общественного устройства в рамках первичной формации, т. е. до возникновения классов и государства, остается открытым, как остается открытым и вопрос об эволюции форм родовой организации в рамках первичной формации. Вероятно, эти вещи взаимосвязаны, но факт остается фактом — в целом эволюция доклассовой стадии предстает примерно в таком же виде, как ее видели Л. Г. Морган и Э. Тэйлор» (с. 73—74).

Последнее утверждение столь же неверно, сколь категорично. Факт, о котором с такой уверенностью говорит Н. М. Гиренко, в действительности фактом не является. За последние десятилетия предложено несколько заслуживающих внимания схем эволюции доклассового общества. Э. Сервисом были выделены такие «уровни социокультурной интеграции», как уровни бродячих общин (bands), племен (tribes) и вождеств (chiefdoms)⁶; М. Фридом — стадии эгалитарного, ранжированного и стратифицированного обществ⁷.

В отечественной науке была детально разработана периодизация, исходящая из того, что в истории человечества прежде всего выделяются два основных периода, из которых один представляет собой эпоху формирования человека и человеческого общества (эпоха антропосоциогенеза, эпоха праобщества и соответственно праобщины), другой — эпоху развития готового, сложившегося человеческого общества. Первой формой существования сформировавшегося человеческого общества являлось собственно первобытное общество, которое в своем развитии проходит два основных этапа: фазу ранней первобытной общины (раннее первобытное общество) и фазу поздней первобытной общины (позднее первобытное общество). За последней следует эпоха перехода от собственно первобытного общества к классовому, эпоха предклассового общества⁸.

Можно соглашаться с названными выше схемами эволюции доклассового общества, можно не соглашаться с ними, но делать вид, что они вообще не существуют, нельзя. Трудно сказать, действительно ли Н. М. Гиренко незнаком со всеми этими концепциями или же они ему по каким-либо причинам столь неприятны, что он их сознательно игнорирует, но, во всяком случае, его взгляды по этому вопросу во многом находятся на уровне науки второй половины XIX в.

С этим связано употребление им понятий «родоплеменной строй», «родовой строй» как синонима понятия «первобытнообщинный строй» (с. 24, 73). Основание для этого он видит в том, что «родовая организация своими сущностными характеристиками связана с отсутствием частной собственности, отсутствием индивидуального права наследования, демократизмом хозяйственной и социальной жизни и т. д.» (с. 24).

Когда возникла родовая организация, в обществе действительно не было частной собственности и других сопутствующих ей явлений. Но в дальнейшем развитии все значительно усложнилось. Этнографии известны народы, общественный строй которых был, несомненно, первобытнообщинным, но не родовым, ибо роды у них отсутствовали. Таковы бушмены, хадза, эскимосы полярные, медные, карибу, нетсилик, иглулик и др. С другой стороны, материнский род существовал у минагкабау Суматры, общество которых было уже классовым. И число таких примеров можно было бы без труда умножить.

Таким образом, наличие или отсутствие в обществе родовой организации само по себе не может рассматриваться как решающий признак. Суть любого общества, в том числе первобытного, в его социально-экономической структуре. Именно изменения в системе социально-экономических отношений и должны быть положены в основу выделения этапов его развития, что и сделано в одной из указанных выше периодизаций (раннее первобытное общество, позднее первобытное общество, предклассовое общество). Н. М. Гиренко, исключив из своего рассмотрения экономику, тем самым лишил себя возможности понять эволюцию доклассового (собственно первобытного и предклассового) общества. Это проявляется и в деталях.

«...верхнюю границу догосударственного уровня социальной эволюции,— пишет он,— более или менее конкретно можно фиксировать как переход к классообразованию и оформлению государства» (с. 88). На самом деле граница между доклассовым и классовым обществом проходит вовсе не в начале процесса классообразования и формирования государства. Классовое общество возникает тогда, когда этот процесс в основном завершается.

Лишив себя возможности понять доклассовое общество в целом, Н. М. Гиренко далеко не преуспел и в решении целого ряда более частных вопросов, относящихся к его социальной организации.

Один из них — проблема экзогамии. Автор декларирует свой особый подход к ней — «позитивный». Фактически он состоит в полном отказе от классического понимания экзогамии. Последнее, как известно, предполагает существование групп людей с четко фиксированным членством, внутри каждой из которых строжайше воспрещены половые отношения. Именно этот запрет и заставляет членов каждой из них искать половых партнеров вовне. Фундаментальной экзогамной группой является род. Все остальные экзогамные группы являются производными от рода. Это либо подразделения рода (подроды, подподроды, линиджи), либо объединения родов (фратрии), каждое из которых возникло в результате деления первоначального рода.

В концепции Н. М. Гиренко места экзогамному запрету нет, хотя иногда он о нем и вспоминает (с. 149). Для него экзогамной является любая группа, члены которой ориентируются на вступления в брак вовне ее (с. 149). Поэтому экзогамия, по его мнению, существовала на всех стадиях развития: «Эта установка (на экзогамию.— Ю. С.),— пишет автор,— имеет место в обществе любой культурной принадлежности и стадийного типа при всем многообразии структуры самой экзогамной социальной группы и разнообразии форм социальных образований, состоящих из таких групп. В связи с этим общества этноисторической реальности не могут быть подразделены на имеющие экзогамию и не имеющие таковой. Они различаются лишь формами экзогамных групп» (с. 145).

Вполне понятно, что автор не ставит перед собой проблемы, над которой мучились поколения этнографов,— проблемы возникновения экзогамного запрета. И вообще нет никакой проблемы возникновения экзогамии, последняя была всегда. Приведя ряд рассуждений самого общего характера, автор заключает: «В свете приведенных соображений даже гипотетический ранний первичный социум, если мы рассматриваем форму, участвовавшую в эволюционном процессе и не представлявшую некоторый тупиковый вариант, не мог быть эндогамен...» (с. 144—145). «Не мог быть эндогамен» и все тут. Доказывать это положение ссылками на какие-либо факты автор не считает нужным.

И это не исключение. Таким своеобразным методом обоснования своих положений автор пользуется часто. Он состоит в том, что приводятся некие общие соображения, которые представляются автору истинными. С ними сверяются те или иные конкретные положения и в зависимости от того, согласуются они или не согласуются с этими исходными постулатами, объявляются верными или неверными. О соответствии или несоответствии их фактам речи не идет. Автор не опускается до доказательств. Он декларирует.

Как мы уже указывали, автора нельзя упрекнуть в последовательности. Так обстоит дело и с экзогамией. Наряду с утверждением, что «общинный коллектив изначально представлял некоторую экзогамную общность...» (с. 145; выделено мною.— Ю. С.), мы встречаем и другое: «...основной вектор — ориентация на более широкое множество людей, нежели собственный коллектив, при поиске брачного партнера — был основой возникновения экзогамии, или эпигамии — внешней направленной брачной нормы» (с. 149; выделено мною.— Ю. С.).

Отвергнув по существу экзогамный запрет, автор тем самым закрыл себе путь к пониманию сущности рода. Как он считает, хотя во всех обществах учитываются связи человека как с матерью, так и с отцом, им может придаваться неодинаковое значение. Там, где преимущественное значение придается родственным связям через женщин, существует материнский род, а там, где генеалогическая принадлежность учитывается преимущественно через мужчин,— отцовский (с. 9, 11, 210, 211 и др.).

С такой точки зрения в нашем обществе должен существовать отцовский род, ибо в нем ребенок преимущественно носит фамилию отца, а не матери. Автор не понимает, что в случае с родом мы имеем дело не с преимущественным учетом родства по той или иной линии, а с

явлением особого порядка. Род экзогамен в классическом смысле этого термина. Поэтому мать и отец человека никогда не могут принадлежать к одному и тому же роду. Родившийся человек должен быть причислен либо к роду отца, либо к роду матери, но никогда одновременно к тому и другому. Если в обществе принадлежность к роду считается по матери, род является материнским, если по отцу — отцовским.

В обществе с родовой организацией всегда существует счет принадлежности к роду, который является либо материнским, либо отцовским. Этот счет принадлежности к роду в отличие от всех других форм учета родства я в дальнейшем изложении буду называть филиацией. В обществе с материнско-родовой организацией существует не учет родства преимущественно по матери, а одна материнская и только материнская филиация, с которой может сочетаться учет родственной связи по отцу. В обществе с отцовской родовой организацией существует не учет родства преимущественно по отцу, а одна отцовская и только отцовская филиация, с которой может сочетаться и учет родства по матери.

Известны общества, где параллельно существовали и материнские и отцовские роды. В них параллельно существовали материнская и отцовская филиации. Из двух материнских родов (род матери и род отца) человек считался принадлежащим только к роду матери, из двух отцовских родов (род отца и род матери) — только к роду отца. Такого рода явление можно было бы назвать двойной филиацией. Если следовать логике рассуждений Н. М. Гиренко, в обществах с двойной филиацией преимущественное значение имели одновременно и связи по матери, и связи по отцу. Но о каком «преимуществе» можно в таком случае говорить? И совершенно неудивительно, что автор говорит о том, что такие, казалось бы, общеизвестные категории, как «матрилинейность» и «патрилинейность», остаются далекими от ясности (с. 75). Для него — бесспорно.

В вопросе о соотношении материнско-родовой и отцовско-родовой организаций автор далеко не оригинален. Он считает их параллельно существующими вариантами развития (с. 224). Само собой разумеется, что обосновывает он эту точку зрения не ссылками на факты, а общими соображениями. При этом он совершенно умалчивает о том, что существуют достоверные примеры перехода от материнской филиации к отцовской. Это, в частности, признавал и Дж. Мердок⁹, который также был решительным противником взгляда, согласно которому материнский род является универсальным и первичным. Но с фактами он всегда считался. «Часто наблюдается,— писал он,— что во многих частях мира патрилинейные и матрилинейные народы живут бок о бок в определенной ограниченной области, а их культуры обнаруживают абсолютно достоверные исторические связи. Сейчас совершенно ясно, что везде, где такая ситуация, в случае, если эти два типа структуры генетически связаны, патрилинейные племена должны были развиваться из матрилинейных, а не наоборот. Столь же верно, что во всех обществах с вполне развитой двойной филиацией матрилинейные родственные группы возникли первыми, а правило отцовской филиации представляет собой явление, развившееся вторично»¹⁰.

Обращаясь к обществам с двойной филиацией, автор излагает взгляд Дж. Мердока по этому вопросу и выражает несогласие с ним. Но никаких сколько-нибудь убедительных доводов он не приводит. Опять у него в ходу только общие соображения (с. 216, 221).

Утверждая, что материнско-родовая и отцовско-родовая организации являются параллельными вариантами развития, автор одновременно связывает возникновение первой из них «с переходом к циклическому интенсивному хозяйству», которое появилось лишь «на достаточно позднем этапе социально-экономического развития» (с. 210). Выходит, что материнско-родовая организация представляет собой все же форму более позднюю, чем отцовско-родовая. Не вдаваясь в спор, отмечу, что материнские роды существовали у части аборигенов Австралии, хозяйство которых явно не было «циклически интенсивным» и которые, по общему мнению, относятся к довольно раннему этапу социально-экономического развития.

Рассматривает Н. М. Гиренко и проблемы брака и семьи. Прежде всего он отрицает существование в историческом прошлом промискуитета. «В виде некоторого начального этапа первичного хаоса промискуитет не существовал ни на какой фазе эволюции общественных систем»,— категорически заявляет он (с. 161). Разумеется, никакие аргументы в пользу бытия промискуитета он не рассматривает и не опровергает.

Говоря о браке, Н. М. Гиренко имеет в виду брак только между индивидами, т. е. индивидуальный брак. Существование группового брака он вообще не допускает. Брак обязателен. Он существует всегда. «...Основной императив обязательности брака как обязательности биологического воспроизводства общественного коллектива всегда существовал, и человеческое общество вошло с ним в социальную эволюцию, а с его исчезновением прекратит свою историю» (с. 162). Отсюда следует, что всегда существовала и семья. Но в этом вопросе автор не вполне последователен.

На с. 121 он пишет, что «такое объединение, как нуклеарная семья, не является и универсальным явлением, в связи с чем не может рассматриваться как функциональное свойство человеческого

общества». Как указывает Н. М. Гиренко, Дж. Мердок, настаивавший в свое время на универсальности нуклеарной семьи, вынужден был позднее признать, что это не соответствует этнографическим фактам (с. 121).

Однако на других страницах отстаивается мысль, что группа, состоящая из женщины с детьми и ее мужа, существовала всегда (с. 162—163). Правда, автор тут же добавляет, что хотя эта ячейка и существовала всегда, но выделилась она все же позднее (с. 162—163). По-видимому, для обозначения этой уже существовавшей, но еще не выделившейся ячейки автор вводит термин «протосемья» (с. 177).

Семью автор характеризует как биологическую (с. 177, 191) или биосоциальную ячейку (с. 117) и корни ее ищет в животном мире. «Но, с нашей точки зрения, основным аргументом против отсутствия у *Homo sapiens* в социуме любого стадийного уровня такой социальной группы является то, что в рамках животного мира мы эту ячейку постоянно имеем, хотя и в различной степени ее стабильности. Человеческое общество, как явление более высокой стадии эволюции, не могло отбросить этот достаточно фундаментальный институт, характерный для многих видов досоциальной стадии развития биологической природы» (с. 143).

Не будем придирается к мелочам: автор говорит о существовании социальной ячейки на досоциальной стадии развития. Это все пустяки. Остановимся на утверждении Н. М. Гиренко, что эту ячейку, т. е. семью, мы постоянно имеем в рамках животного мира. Было бы очень хорошо, если бы он подтвердил его ссылками на факты. Но, увы, таким приемом обоснования правильности своих положений автор в большинстве случаев не пользуется.

В результате ничего не остается, как обратиться к фактам самому. Не будем рассматривать весь животный мир. Ограничимся лишь человекообразными обезьянами. У орангутангов самцы ведут одиночный образ жизни. Как правило, отдельно живет и самка с детенышами¹¹. Стада горилл и объединения шимпанзе не состоят из семей. Отношения между самцами и самками носят как у тех, так и у других, выражаясь словами западных исследователей, «промискуитетный» характер¹². Лишь у гиббонов, которые дальше всех отстоят от людей, существовали группы, состоящие из самца, самки и детенышей. Однако они не входили в состав более широкого объединения. «Семьи» у гиббонов были полностью самостоятельными объединениями.

Правда, автор может возразить, что, говоря о семье, он имел в виду только женщину с детьми. Что же, и такое понимание семьи присутствует в работе (с. 165—166). Но все же в целом в ней явно преобладает взгляд на семью как на ячейку «биологического и социального воспроизводства» (с. 142), которая «представлена бинарной структурой из мужской и женской частей» (с. 161). Напомним, что промискуитет, т. е. «отсутствие фиксированного партнера в биологическом воспроизводстве» (с. 160), «не существовал ни на какой фазе эволюции общественных систем» (с. 161).

Но предоставим Н. М. Гиренко самому разбираться в том, каковы же его действительные взгляды на семью. Отметим лишь, что многие его беды происходят из одной причины. Он не понял, что и брак и семья существуют только у людей. В животном мире можно встретить лишь биологические аналоги брака и семьи, но не более. Ни брак, ни семья не вытекают из биологии. Чтобы происходило биологическое воспроизводство человека, нужен не брак, а половые отношения. А брачные и половые отношения — не одно и то же. Половые отношения возможны без брака и вне брака. Брачные отношения, включая в себя половые, никогда к ним не сводятся. Брак есть определенная социальная организация отношений между полами. Это явление чисто социальное. И семья есть ячейка не биосоциальная и тем более не биологическая. Это тоже чисто социальное объединение. Поэтому она может существовать, а может и не существовать. В последнем случае ее функции выполняют другие социальные образования. У наяров Малабарского побережья (Южная Индия) в XVIII и начале XIX в. никакой семьи не было, хотя биологически они ничем не отличались от остальных представителей вида *Homo sapiens*. Обеспечение и воспитание детей было делом объединения, состоявшего из братьев, сестер и детей сестер¹³.

Согласно взглядам Н. М. Гиренко, семья существовала изначально. Поэтому вопрос о ее возникновении перед ним не стоит. Это, конечно, его дело. Хуже, когда он уверяет, что в работе Л. Г. Моргана «Древнее общество» «речь идет об эволюции семейно-родственных институтов, об эволюции семьи, но не о ее возникновении» (с. 143). Это утверждение ошибочно. Ведь в качестве первой стадии развития у Л. Г. Моргана выступает орда с промискуитетом, на смену которой приходит первая форма семьи — кровнородственная семья.

Затрагивается в книге и вопрос о системах родства. С точки зрения Н. М. Гиренко, их эволюция шла «от неких примитивных изолирующих систем к системам родства классификаторского типа» (с. 175). Конечно, автор волен придерживаться любого взгляда, но его нужно доказать. Ссылка на работу Г. Доул таким доказательством считаться не может. Могут сказать, конечно, что данному утверждению предшествует несколько страниц, посвященных описанию систем родства у банту (с. 167—175). Но все дело в том, что из приведенного материала подобный вывод никак не следует.

Факты у автора существуют сами по себе, высказывание обобщающего характера тоже само по себе. Внутренней связи между ними не прослеживается. И так обстоит дело не только в данном разделе работы.

В книге имеются разделы, где приводится множество фактов. Так, например, автор детально описывает ритуалы, сопровождающие перемещение деревенской общины на новое место (с. 107--121). Этому перемещению он придает огромное значение. «Можно утверждать, — пишет автор, — что для культур народов интересующего нас региона динамизм, подвижность основной общественно-экономической ячейки (поселения) в пространстве является характерным свойством, исторической основой местных традиционных культур, свойством, имеющим как свои стадийные, так и конкретно-исторические причины и следствия» (с. 98).

Происходит не просто перемещение ране существовавшего первичного социума. По существу происходит исчезновение старого и появление «нового (т. е. воссозданного на новом месте) социума», «... возрождение материальной и социальной структуры социума» (с. 130). Если следовать логике рассуждения автора, то вся жизнь бушменов и аборигенов Австралии состояла в постоянном возникновении новых (т. е. воссозданных на новом месте) первичных социумов. Это у них происходило каждые несколько дней. На самом деле, конечно, никакого исчезновения и возрождения социума не происходило. Просто община переходила с места на место, сохраняя неизменной свою социальную структуру.

Подвижность — важная черта жизни бродячих охотников и собирателей, а также кочевых скотоводов. Но вряд ли это можно, как делает автор, распространять на оседлых земледельцев, которые перемещались с места на место раз в несколько лет. Автор выражает сожаление по поводу того, что такому важному явлению, каким ему представляются ритуалы перемещения, в работах, посвященных описанию земледельческих культур Африки, уделено мало внимания (с. 114). Но понять исследователей можно: они рассматривали и само перемещение деревенской общины, и сопровождавшие его ритуалы как второстепенные моменты жизни изучаемых ими народов. Кстати говоря, подобного рода ритуалы существовали у этих народов лишь постольку, поскольку перемещение было у них сравнительно редким явлением. У бушменов и аборигенов Австралии никаких ритуалов, связанных с передвижением, не обнаружено.

Несколько более мелких замечаний. Один из разделов второй главы посвящен мужскому дому. Автор критикует точку зрения Г. Шурца, считавшего, что развитие шло от дома холостяков к мужскому дому, и отстаивает прямо противоположный взгляд. И с ним вполне можно согласиться. Плохо только, что Н. М. Гиренко пишет так, как если бы после Г. Шурца никто этой проблемой вообще не занимался. А между тем существуют работы, в том числе и на русском языке, в которых положение в том, что развитие шло от мужского дома к дому холостяков, было детально обосновано.

Как о несомненно существующем явлении Н. М. Гиренко говорит о трехродовом союзе, или гилияцкой фратрии (с. 90, 147). Идею о бытии такой формы социальной организации выдвинул Л. Н. Штернберг и обосновывал в докторской диссертации и других работах Д. А. Ольдерогге. Как в дальнейшем выяснилось, замкнутого кольцевого трехродового союза в действительности никогда и нигде не существовало. Бытовал лишь обязательный (предписанный) матрилиateralный кросскузенный брак, что далеко не одно и то же.

Как о само собой разумеющемся автор говорит о том, что кочевое скотоводство является наряду с охотой и собирательством одной из форм присваивающего хозяйства (с. 255, 259). Этот взгляд настолько расходится с общепринятым мнением о принадлежности животноводства вообще, кочевого скотоводства в частности к производящему хозяйству, что нуждается хотя бы в каком-нибудь обосновании. К сожалению, оно отсутствует.

Некоторые места работы вызывают просто недоумение. Так, на с. 232 приводится цитата из работы А. Р. Рэдклиффа-Брауна: «...племена представляют собой лингвистические, культурные, идеологические и структурные сущности». Станным кажется, что при этом делается ссылка сразу на две разные страницы (XII и XVIII). Но еще более удивительно, что ни на той, ни на другой странице данного высказывания нет. Его вообще нет в работе.

Из всей книги более или менее благоприятное впечатление производят разделы первой главы, посвященные истории этнологических учений от Л. Г. Моргана до наших дней. Правда, автор, расходясь с общепризнанной точкой зрения, характеризует этот процесс как «становление социологической теории». Нелзя не согласиться с данной автором высокой оценкой вклада Л. Г. Моргана в развитие этнологической науки. Обстоятельно рассмотрено структурно-функциональное направление в западной этнологии, связанное прежде всего с именами А. Р. Рэдклиффа-Брауна и Б. Малиновского. Дана глубокая оценка неозолюционизма. Однако согласиться с тем, что характерное для Л. Уайта и Дж. Стюарда внимание к технике равносильно признанию ими значения «материальных отношений производства» (с. 49), вряд ли возможно.

В своей оценке взглядов К. Леви-Стросса автор постоянно колеблется. С одной стороны, он соглашается с мнением Э. Лича, охарактеризовавшего работу К. Леви-Стросса «Элементарные

структуры родства» как «блистательный провал» (с. 62). С другой стороны, он говорит об определенных заслугах К. Леви-Стросса перед этнологией (с. 63). Во всяком случае, на мой взгляд, вполне можно согласиться с его выводом о неправомерности утверждения некоторых исследователей о том, что К. Леви-Стросс «создал новую теорию антропологии или этнологии» (с. 63).

В разделе, посвященном взглядам К. Леви-Стросса, автор обращается к понятиям «модель» и «знак». К сожалению, его представления о модели достаточно противоречивы (с. 66). Что же касается попытки дать подробное определение знака (с. 67—69), то ее нельзя расценить иначе, как явно неудачную. При этом совершенно непонятно, зачем автору понадобилось это делать. Вообще, когда автор обращается к самым общим понятиям, удача ему не сопутствует. Это относится и к данному им определению «культуры как системы форм реализации общественного процесса в ее отношении к системе общественных взаимодействий» (с. 144). Если культура есть реализация общественного процесса, то совершенно непонятно, как можно противопоставлять социальные и культурные процессы (с. 86).

В целом книга прямо-таки удручает крайне низким уровнем теоретического мышления, точнее, полным его отсутствием. Сейчас это немодно, но не могу удержаться от того, чтобы не привести одного высказывания Ф. Энгельса. Подчеркивая, что без теоретического мышления невозможно упорядочить фактический материал систематически и сообразно его внутренней связи, Ф. Энгельс писал: «Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии»¹⁴. Мыслить теоретически — это искусство, которому нужно учиться. К сожалению, не все это понимают. Но дело даже не в том, что Н. М. Гиренко не овладел искусством теоретически мыслить. Он даже не соблюдает элементарных законов логики. Иногда кажется, что Н. М. Гиренко задался целью продемонстрировать в своей книге все возможные виды логических ошибок. Здесь нарушения и закона тождества (постоянная подмена понятий, их крайняя неопределенность и нечеткость), и законов противоречия и исключенного третьего (бесконечные разногласия с самим собой), и закона достаточного основания (масса утверждений, не имеющих под собой никакого прочного фундамента).

И отсутствие культуры мышления не может быть восполнено никаким повторением таких модных слов и словосочетаний, как «социум», «гомеостаз», «модель», «гетерохронность», «комплиментарность», «структурализация», «пульсация», «ламинальный», «процессуальный», «инволюция», «вектор», «социальный срез», «поведенческая матрица», «функциональное измерение», «микромир» и т. п. и т. д.

Примечания

¹ См., например: Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

² См. Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки//Вопр. истории. 1966. № 8.

³ Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N. Y., 1962.

⁴ См. Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1968. С. 15; Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы//Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 161 сл.

⁵ См. Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: государство и аграрные отношения//Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980.

⁶ Service E. R. Op. cit.

⁷ Fried M. N. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N. Y., 1967.

⁸ См. Семенов Ю. И. Стадиальная типология общины//Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; его же. Основные этапы эволюции первобытной экономики//Народы Азии и Африки. 1984. № 1; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; История первобытного общества. Эпоха классообразования. М., 1988, и др.

⁹ Murdock G. P. Social Structure. N. Y., 1965. P. 190.

¹⁰ Ibid. P. 218.

¹¹ Rodmen P. S. Population Composition and Adaptive Organization among Orang-Utans of the Kitai Reserve//Comparative Ecology and Behaviour of Primates. L.; N. Y., 1973.

¹² Goodall J. Chimpanzees of the Gombe Stream Reserve//Primate Behaviour. Field Study of Monkeys and apes. N. Y., 1965; Schaller G. B. The Behaviour of the Mountain Gorilla//Ibid.

¹³ Gough E. K. The Nayars and the Difinition of Marriage//J. Roy. Anthropol. Inst. Great Britain and Ireland. 1959. V. 89. Pt. 1.

¹⁴ Энгельс Ф. Диалектика природы//Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 366.